

ОТ
Колетт
Масье
КУТЮР

Жизнь
среди
легенд
высокой
МОДЫ

УДК 82-94:687.1
ББК 84стд1-442.3+85.12
МЗ1

Colette Maciet
«Haute Couture»

Перевод с французского Анны Беспярых

Масье К.

МЗ1 От-кутю: жизнь среди легенд высокой моды / Колетт Масье; [пер. с фр. А. Беспярых]. — М.: КоЛибри, Издательство АЗБУКА, 2026. — 160 с. : ил. — (Иконы стиля).

ISBN 978-5-389-31251-7

Она никогда не стояла в центре подиума. Ее имя никогда не мелькало в заголовках. Но без нее великие коллекции навсегда остались бы лишь красивыми эскизами.

Колетт Масье — старшая закройщица, правая рука и главный воплоитель идей гениев высокой моды. Именно такие, как она, превращали эскизы Шанель, Лагерфельда, Живанши, Сен-Лорана, Готье в одежду, которую потом носил весь мир.

Дизайнеры приходили и уходили. Эпоха сменяла эпоху. А Колетт оставалась. Ей доверяли самое ценное — воплощение своего замысла. Ее глаза видели шедевры, а руки создавали их, вдыхая жизнь.

«От-кутю» — это удивительное путешествие в золотой век французской моды. Мемуары человека, находившегося ближе всех к самым известным дизайнерам и домам моды на протяжении нескольких десятков лет. Живая история, полная уважения, тихого восхищения и легкой грусти об ушедшем времени, когда мода была искусством, а не гонкой.

Для тех, кому интересно, кто на самом деле стоял за великими коллекциями и какой бесценной была роль тех, кто оставался за кадром.

УДК 82-94:687.1
ББК 84стд1-442.3+85.12

ISBN 978-5-389-31251-7

© Éditions Michel Lafon, 2023, Haute Couture
Published in arrangement with Lester Literary Agency
© Беспярых А. Ю., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
КоЛибри®

*Я оказалась среди звезд моды,
потому что стремилась к луне.*

К. М.,
вдохновленная Оскаром Уайльдом

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для Колетт

Старшая закройщица — это не просто профессия, это титул, подобно званию прима-балерины. И даже своего рода священный сан.

В мире высокой моды их немного. Профессионализм старших закройщиц никогда не подвергается сомнению, и, даже если они связаны узами преданности с домом, на который работают, другие неустанно стремятся их переманить, так как репутация опережает их самих.

Это работа, в которую приходят в юности, как будто ловкость рук и профессиональное чутье развиваются одновременно. Это ремесло не терпит цинизма: нужно быть увлеченной, ревностной, никогда не думать о цене одежды, лишь о ее ценности.

Старшая закройщица — это ей кутюрье вверяет свои идеи — эскизы и пояснения. Она — его главная собеседница, связующее звено между творческой студией и ателье; представительница, переводчица и управляющая — та, кто распределяет задачи и решает, кому поручить работу над той или иной моделью.

Она знает, что когда «маленькая ручка» получит модель, на все время работы та станет *ее* моделью: «Мадам

Жинетт, подрубка края на вашем платье безупречна!» *Ваше* платье, *ваша* юбка, *ваша* блузка, *ваша* нижняя юбка — это подлинное «удочерение» вплоть до дня показа для прессы. Поручение создать модель — это больше награда, чем обязанность, а иногда — загадка, головоломка, решение которой нужно найти. Закройщица знает, кому она может доверить ту или иную модель, и вместе с этим человеком ищет способ сделать все наилучшим образом.

Я познакомилась с Колетт в доме Chanel в 1980-х. Как-то я рассказала ей, что меня навестит близкая подруга матери, которую я очень люблю и которая была манекенщицей в Chanel во времена Габриэль Шанель. И была весьма удивлена, услышав, что Колетт ее прекрасно помнит! Как эта молодая женщина, изящная и очаровательная, могла быть там в ту эпоху? Была ли она своего рода Дорианом Греем из шелка? Тут-то я и поняла, что она начала работать в четырнадцать лет и, подобно «мышонку оперы»¹, шаг за шагом преодолела все ступени, чтобы в итоге оказаться на вершине.

То есть Колетт была блистательной внучкой самой Кутюр — этой пожилой дамы, которая медленно угасала, оставляя после себя лучик надежды уже покрывшемуся пылью и устаревшему миру.

Карл Лагерфельд хорошо понял этот мир, оказавшись в Париже. Он знал, что не сможет ничего сделать без первоклассных сообщников — закройщицы ателье *fleur* (свободного края) и закройщика ателье *tailleur* (строгого края)². Известно, что скрипачи ценят Стради-

---

¹ Традиционное разговорное название юной ученицы балетной школы, танцовщицы кордебалета Парижской национальной оперы. Здесь используется как метафора для описания раннего начала карьеры и постепенного восхождения с самых низов. — *Прим. пер.*

² В отличие от ателье-*tailleur*, где изготавливаются одежды строгого края, ателье-*fleur* — ателье свободного края, в котором рождаются платья мечты. — *Прим. авт.*

Предисловие

вари более за вдохновение, которое они дарят, чем за качество инструмента. В мире высокой моды творцу необходима команда единомышленников, взаимные доверие и уважение. Карл, вероятно, ожидал увидеть одну из тех дам из фильма «Фальбалас» (Falbalas) 1940-х годов, но он не мог, полагаю, не очароваться красотой и изяществом милой Колетт!

Однако главное для этой профессии — ум и проницательность: понимать замысел кутюрье, обладать особой восприимчивостью, чтобы представить образ, и смекалкой, чтобы придать ему форму. И талант, который дополняет талант самого кутюрье. Один нуждается в другом, взаимопонимание необходимо, это несомненно, но воплощение модели находится в руках... «маленьких ручек»!

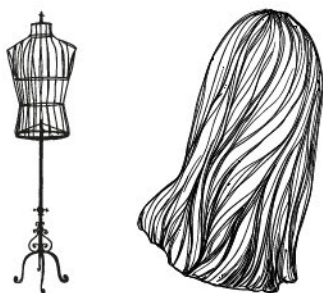
Англичане говорят: «*It takes two to tango*»¹. Несомненно, так же и в кутюр, и великие кутюрье это знают: они бессильны без выдающихся *старших закройщиц и закройщиков*. Нередко закройщик удивляет кутюрье, интерпретируя набросок и добавляя деталь или пропорцию, которых тот не предполагал. Это может даже порадовать кутюрье. Во всяком случае, он всегда хранит уважение к своим закройщицам и закройщикам и высоко ценит их работу.

Колетт всегда стремилась к точности и совершенству исполнения каждой из своих обязанностей. Словно прилежно заполняла клеточку за клеточкой в вышивке крестиком, которую, должно быть, делала в детстве. И свидетельство тому — благодарность, уважение и доверие таких великих мастеров, как Лагерфельд, Сен-Лоран или Живанши.

Инес де ла Фрессанж

---

¹ «Для танго нужны двое» (англ.). — Прим. пер.

1

ГЕНЕРАЛЬНАЯ РЕПЕТИЦИЯ

Начало

— Шитье или стрижка? — спрашивает меня мама.

Ох, как мне знаком этот ее сухой тон... Но я понятия не имею, что ей ответить...

— Шитье или стрижка? — повторяет она. — Тебе четырнадцать, и если ты не собираешься поступать в колледж, придется идти работать.

Я понимаю, что вовсе не в моих интересах слишком долго увиливать от ответа. Но в глубине души мне, в общем, все равно. Меня устраивают оба варианта. Единственное, что в тот момент имеет значение, — больше не видеть учителя математики, который преуспел в том, чтобы навсегда отвратить меня от школы. Но все же у меня немного щемит сердце из-за учителя английского. Он так старался разубедить меня бросать учебу, уверенный, что у меня достаточно способностей, чтобы поступить в лицей. Напрасно. Школы с меня довольно.

Мне всего четырнадцать, вряд ли я понимаю, до какой степени ответ, который я должна дать матери, определит мою судьбу...

— Итак, шитье или стрижка?

Я просто пожала плечами. В конце концов, пусть будет шитье. Просто потому, что сестра отца, Марта Дюваль, работает в Chanel.

Chanel... Неотделимое от Мадемуазель Шанель... Я знаю, что ее называют Коко, как и меня, — это мое домашнее прозвище с раннего детства. Мне хочется думать, что это знак. Конечно, я слышала это название. Тысячу раз по меньшей мере. Знаю, что оно — шик. Но кроме этого не знаю, пожалуй, ничего. Только, что моей тете Марте там, кажется, хорошо.

На дворе 1960 год, у меня в кармане школьный аттестат и ноль представлений о том, что уготовила мне жизнь. Обратившись с просьбой к шефу своего ателье, Марта договаривается для меня о встрече с мадам Жизель Пуатвэн — помощницей того, кто станет моим начальником, но не в доме Chanel, а в магазине A ux Trois-Quartiers¹ на бульваре Мадлен.

Это мое первое в жизни собеседование. И я там не одна — со мной мама, тетя и мадам Жизель. Совсем не помню, что тогда говорилось. Спрашивали ли мое мнение? Не уверена. Одно можно сказать наверняка — все произошло быстро, и меня взяли на работу.

И вот 26 сентября 1960 года я, Колетт четырнадцать лет, в статусе ученицы вошла через огромные двери дома № 31 на улице Камбон. В то время все заходили именно там.

Как забыть мой первый день?

До сих пор вижу себя поднимающейся по ступеням легендарной лестницы. Сегодня при одном взгляде на

---

¹ «У трех кварталов». — Здесь и далее примечания редактора, если не сказано иное.

нее в памяти тотчас возникает несчетное число дефиле. Но тогда единственные картинки, сопровождавшие мои шаги, ступень за ступенью — тысяча отражений моего лица в фрагментированных зеркалах, окаймляющих лестницу. А на лице, само собой, растерянность. По счастью, со мной моя тетя.

Когда открывается дверь ателье... я в шоке. Какие же они все... старые. Сейчас мне смешно думать об этом, ведь некоторые из них были всего на несколько лет старше меня, но по сравнению с моими школьными приятелями — какое разительное отличие! Как я смогу найти свое место среди всех этих дам?

Слава богу, есть Марта. Веселая, приветливая, сердечная... Я бы даже сказала, иногда немного слишком. Все то, что не выносит моя мама. Но это другая история.

Дом Chanel, улица Камбон, Вандомская площадь... Все для меня вновь... Другой мир, даже другая планета по сравнению с нашей окраиной. Чтобы добраться до работы, я ежедневно должна пересекать Нантеррские трущобы, ехать на автобусе до моста Нёйи, на метро — до площади Согласия и пешком до дома № 31 на улице Камбон.

С первого же дня очевидно, что не может быть и речи об опозданиях — ни в ателье, ни домой. Трудно сказать, какого из нагоняев я боюсь сильнее.

Но я хочу уйти и никогда не возвращаться в школу, а значит, придется постараться быть полезной и расторопной. Мои рабочие дни вскоре обретут четкий распорядок. Он всегда один и тот же. Каждое утро: протереть столы шефов и привести на них все в порядок, приготовить и декатировать ткани для различных заказов, убедиться, что все рабочие места — безупречны. Также я должна совершить, в прямом смысле слова, «обход за котелками»: попросить у каждой из работниц ее миску

и отнести в столовую, где есть специальный бак для разогрева.

В течение дня я помогаю старшим мастерицам, выполняя пусть второстепенные, но все же важные задания. Будь то сходить на склад за фурнитурой или перенести образцы из примерочной в мастерскую и обратно.

В конце дня я прибираю ателье, собираю булавки, накрываю ткани и изделия. И все опять должно быть безукоризненно. Нельзя забыть что-то или сделать кое-как — тотчас найдется добрая душа, чтобы указать на оплошность. Если ты ученик в ателье, существенны два качества — прилежание и расторопность. Это я поняла очень быстро.

Ни на одно мгновение я не должна ничего упускать из виду, готовая ринуться сделать что-то даже до того, как об этом попросят. Будучи любопытной и работающей, я принимаю данный вызов с азартом. Очень быстро я понимаю, что правила есть правила и они существуют, чтобы их соблюдать, буква в букву.

Однажды вечером дамы заканчивают работу чуть раньше, чем ателье. Ну и я заканчиваю с ними. Закрываю ткани, расставляю брошенные в беспорядке утюги. А потом приходит шеф. И тоном, не терпящим возражений, кидает: «Еще не время». Он разбрасывает все, что я только что привела в порядок. Точное время есть точное время, и мне указали на это как нельзя более доходчиво. Если я хочу продвинуться — я должна держать себя в жестких рамках, быть дисциплинированной и прилежной.

Я наблюдаю, как работает каждая из старших мастериц. Чтобы получить повышение, я должна уметь это делать. Смотрю, задаю то там, то здесь по паре вопросов. Столько специальных и точных терминов — это как учить новый язык. Чем быстрее я включусь во все правила, приемы, движения, тем скорее выйду из

ученического статуса. Но для этого мне надо победить утробный ужас... перед телефоном. Так как утром, до того как идти в примерочную за копируемыми, заказанными клиентами образцами, чтобы разнести их по первым закройщицам в ателье, необходимо в примерочные позвонить — некоторые образцы уже могло взять другое ателье. Прежде, до улицы Камбон, я никогда не держала в руках телефона. Достаток нашей семьи слишком скромнен, чтобы позволить его себе. Только вот здесь телефон — вещь жизненно необходимая: он соединяет примерочные и ателье. Я же так боюсь ошибиться, что предпочитаю, даже с пустыми руками, носиться галопом с этажа на этаж. Но поднимаясь и спускаясь по лестнице, прыгая через ступеньки, я попусту трачу время, и это никому не нравится. Ничего не остается, как победить робость и страх ошибиться номером или заговорить не с тем человеком, и взять в руки телефонную трубку.

Однако эти треволнения — ничто по сравнению со страхом столкнуться с Мадемуазель улицы Камбон, когда она выходит из Ritz. Каждую ночь, — как говорят, из боязни одиночества, — она засыпает в этом роскошном отеле в нескольких шагах от ателье мод. И если я случайно оказываюсь за ней на тротуаре, то как можно быстрее обхожу и несусь, чтобы добежать до дома № 31 раньше нее и успеть первой взлететь по лестнице.

Мадемуазель... когда звучит это слово, все вздрагивают. От страха. В 1960-м это дама преклонных лет. Ей 76. У нее волосы цвета вороньего крыла. Она стройная, даже худощавая. Всегда безупречно элегантна в своем костюме, никогда — без своей шляпы и жемчуга.

Наверняка, это женщина немного сварливая и суровая. Взгляд ее пронзителен, речь отрывиста, суждения грозны. Каждый день я боюсь, что она заговорит со мной и отчитает. Хуже того — выставит за дверь. Все

мы знаем, что одной фразой она может положить конец чьей-то работе в доме... Как тогда, когда она спросила у старшего закройщика, что он здесь делает, а тот ответил: «Вы меня наняли». Она хлестко отрезала: «О, нет, я в Вас не нуждаюсь». И его тотчас уволили. Такие истории нагоняют на всех ужас и распространяются быстрее лесного пожара.

В 1960-м Мадемуазель — мировая знаменитость. Американцы помешаны на творениях Chanel. Впрочем, именно Соединенные Штаты в 1950-х позволили Шанель вновь играть первые роли. Во Франции еще не все были готовы простить ее «истории» военных лет. Но в 1952-м, если американцы провозглашают кого-то гениальным, мы, французы, можем только вторить им...

Мадемуазель никогда не приходит в мастерские. Потому, быть может, что это напоминает ей о начале карьеры. Взобравшись по социальной лестнице благодаря своим силе воли, упорству и нужным знакомствам, невыносимо смотреть назад — на ту, кто была нищей сиротой.

В отличие от других модельеров, которых я встречаю за годы работы, для Мадемуазель никогда не делают муляжи по эскизам, так как она не рисует. Между тем она хорошо знает, что хочет. Она распределяет ткани по мастерским среди старших закройщиков и закройщиц, про каждый материал объясняя, что она предполагает из него создать. Затем руководитель ателье дает указания разрезать ткани по базовым лекалам. Например, для жакетов это всегда один и тот же принцип: маленький борт, один шов по середине спины и ни одного шва спереди.

У Мадемуазель есть свои причуды. Она терпеть не может, когда пользуются зажимами для ткани. Наше дело — подстраиваться. Однажды, когда один из образов был закончен, и пришло время для презентации

в студии, Мадемуазель невозмутимо внесла изменения прямо на изделии... с помощью ножниц.

Мне не хочется сводить свое участие к роли безмолвной наблюдательницы. И вскоре мое желание делать что-то большее, чем подметать или носить миски, было услышано. Меня назначают ассистенткой старшей мастерицы Мишель. Наблюдение за ней — источник огромного объема знаний, но главное — возможность начать делать что-то интересное. Например, в мои обязанности как ученицы теперь входит: забрать изделие (жакет или пальто), после того как оно будет закончено и проверено руководителем ателье, и отнести его в местный «отдел доставки» с бланком заказа, подписанным одной из директрис салона, мадам Поль Жамэ или мадам Ситроен. Потрясающее ощущение! Всякий раз, держа в руках законченное изделие, я чувствую себя обладательницей наивеличайшего сокровища всех времен... Такую ответственность мне нравится на себя брать.

Здесь все подчинено строгой иерархии. Это не армия, но почти, — жесткая пирамидальная система. Основание пирамиды — ученики. Затем, внимательно наблюдая и демонстрируя некоторые навыки, можно надеяться стать «второй начинающей рукой». После этого — «второй квалифицированной рукой». Потом «первая начинающая рука», «первая квалифицированная рука» и помощница старшей закройщицы. Наконец, грааль: старшая закройщица — портниха высшей квалификации. Будь то право пошива одежды свободного кроя — вечерние, коктейльные, свадебные платья, или кроя строгого — пиджаки, пальто, брюки. Свободный крой всегда требует больше воображения, но строгий зачастую более трудоемок.

Стать «старшей» — мечта каждой ученицы. Само собой, и моя тоже. Даже если это — далекая и голово-

кружительная мечта, я хочу однажды стать «мадам Коллетт». В мастерских есть закон: как только получаешь должность, равную «шеф-повару со звездой Мишлен», перед твоим именем появляется «мадам» или «месье». Как знак признания и почета. Зато если у младших помощниц оказываются одинаковые имена, их немедленно переименовывают. Мы не рискуем перепутать, где чьи иголки. Результативность и порядок важнее личных данных.

Мне всего четырнадцать, терять время я тем не менее не хочу. И решаю по субботам ходить на курсы в Синдикат высокой моды. Это не то чтобы легко после напряженной рабочей недели, но я, и правда, хочу двигаться вперед. Делать это надо украдкой. Ни в коем случае нельзя, чтобы узнала Мадемуазель. Она терпеть не может, когда кто-то учится на курсах шитья, полагая, что «мастерство осваивается на практике». Причины тому, очевидно, следует искать в ее личной истории.

Но разве она сама не создала свои первые шляпы, благодаря некоторым базовым навыкам, полученным в сиротском приюте? Бесспорно, ее вдохновение, находчивость и способность раньше всех улавливать дух времени сделали ее великой Мадемуазель. Это, и некоторые знакомства, в той или иной мере близкие, помогли ей начать свое стремительное восхождение.

Я же хочу закончить профессиональную подготовку, так как иметь диплом мне видится важным. Это придаст уверенности, позволит сэкономить время и учиться быстрее и более результативно. А мои усилия вскоре окупятся. Два года спустя, в октябре 1962-го, меня повышают до «второй начинающей руки». А следом, в ноябре, я получаю диплом. В том знаменательном ноябре, который войдет в историю убийством Кеннеди в Далласе. Фотографии Джеки

в розовом костюме от Chanel облетят мир и обретут печальную славу. К счастью, прекрасная Роми Шнайдер подарит этому знаменитому костюму более легкий и задорный образ¹.

Теперь, будучи «второй начинающей рукой», я могу помогать с рукавами, обтягивать пуговицы-кнопки, пришивать застёжки. Это — начало.

Два го­дя спустя, в октябре 1964-го, меня, минуя «вторую квалифицированную руку», переводят на должность «первой начинающей руки»: по-видимому, мое стремление все делать хорошо не осталось незамеченным, так как «перепрыгивать через ступеньку» было не столь уж обычным делом. Теперь, наконец-то, я могу каждый день шить — я вынимаю иголку. Какое счастье быть одним из звеньев в цепи творения.

И в 1965-м я становлюсь «первой квалифицированной рукой» — это чрезвычайно важный шаг: я способна работать над изделием от начала и до конца. Конечно, все еще не так уж просто. Для разглаживания швов нужна опытность, как и для втачивания рукавов, обтачивания петель на жакетах и пальто — они делаются вручную. Но каждый день я чувствую, как совершенствуются мои навыки под благожелательным взглядом руководителя ателье месье Жана. У него приятные внешность и манеры, он похож на Луиса Мариано. Обходителен, при этом в совершенстве умеет, когда то необходимо, отчитать. Он не попустительствует, но и не тиранит. Я еще не знаю, что этот человек станет моим наставником, а его доброта — моими поддержкой и опорой. Меня забавляет, как он ворчит, когда звонит

---

¹ Автор путает последовательность событий: убийство Джона Кеннеди происходит 22 ноября 1963 года, тогда же Джеки была в розовом костюме, сделав его символом скорби. Роми Шнайдер же снималась в этом костюме в 1961–1962 годах в фильме Висконти.

его жена. Непохоже, чтобы в доме у них царил любовь. В конце концов я понимаю, что в его жизни есть кто-то другой.

Месье Жану предоставлена честь — и тяжелая обязанность — представлять модели Мадемуазель. Ни за что на свете не хотела бы быть на его месте. Она бывает слишком сурова, а зачастую — непредсказуема. Поздравления, благодарности, поощрения — не ее стиль. Никогда не забуду, как во время подготовки коллекции месье Жан показывает ей только что законченный мной костюм. Мадемуазель — сухим тоном:

— Месье Жан, вы уходите, а я буду общаться с девушкой, которая сделала костюм.

Отчетливо помню именно этот момент и дурное предчувствие. Она поворачивается ко мне и заявляет:

— Он ничего не понимает, так что сейчас вы внимательно слушайте то, что я говорю.

Пока говорит со мной, она режет и перекраивает костюм у меня на глазах, к моему ужасу. Чем больше она кромсает, тем больше распадаюсь на куски я, ведь завтра день показа. У нее такая мания — взмахи ножницами. Более того, пара ножниц всегда висит у нее на шее. Все ее внимание сосредоточено на изнанке рукава в области подмышки. Она хочет, чтобы пиджак не топорщился.

После того как Мадемуазель ушла, вернувшийся месье Жан спросил меня:

— Что она тебе наговорила?

Не совсем понимая, что ответить, я слышу собственный голос:

— Только о том, что мне нужно сделать после внесенных ею изменений.

Месье Жан не слишком верит: он догадывается, что пара едких замечаний неизбежно сопровождала весь этот процесс!

В этот период я не считаюсь со своим временем, отдаваясь работе без остатка. Иногда возвращаюсь к родителям поздно, что особенно раздражает не такую уж нежную мать. С тех пор как я начала работать, она забирает мою зарплату, оставляя лишь немного карманных денег. На них не разгуляешься, ведь мне платили 75 сантимов в час как ученице...

Когда по вечерам я подрабатывала и шила костюм, чтобы помочь подруге, мать ворчала и требовала оплатить электричество. Что правда, то правда — мои родители никогда не купались в золоте.

Я родилась в Кетревиль-сюр-Сьен, в Нормандии. В то время мой отец был начальником железнодорожной станции. Свои первые шаги я сделала на вокзале. В том симпатичном домике, о котором осталось мало воспоминаний и который с тех пор заброшен.

Не знаю почему, но когда мне было четыре года, родители переехали в Париж. Это не самое светлое воспоминание моего детства, потому что, тоже не знаю почему, мы оказались в настоящих трущобах в районе Арз-э-Метье. Жили в крошечной комнате. Мы с сестрой спали на другом этаже, в маленькой каморке, которую отец по вечерам запирает на всякий замок. Нас было четверо детей, и жилось несладко.

Мама была женщиной с тяжелым характером. Папа же, напротив, гораздо мягче. Он был очень скромным, мало говорил, но я его обожала. К сожалению, мы виделись реже, чем хотелось бы, поскольку он работал ночную смену на заводе Simca¹.

---

¹ Simca (Société industrielle de mécanique et carrosserie automobile) — французская автомобилестроительная компания. — *Прим. пер.*

С ранних лет я поняла, что не стоит задавать вопросы. Трудности, через которые проходили мои родители, нас не касались. Вероятно, это были семейные тайны, ключей к которым у меня так и не появилось. Я не помню, чтобы они обменивались нежными жестами или словами. Период Арз-э-Метье закончился, когда мама обратилась за помощью к аббату Пьеру. После этого нас переселили в большое здание в 17-м округе, которое было реквизировано.

Наше бедственное положение, вероятно, помогло закалить мой характер, сделать его дисциплинированным и волевым. Я очень рано поняла, что не хочу жить так, как они. Я стремилась к другому: к семье, домашнему очагу, браку по любви. И этот брак состоялся 30 декабря 1967 года. С Жилем мы познакомились в автобусе. Довольно быстро стало очевидно, что наши отношения будут серьезными. И в отличие от многих мужчин своего поколения, Жиль никогда не ставил под сомнение мою карьеру. Я была этому рада, потому что действительно любила свое дело.

Сегодня, оглядываясь назад, я даже могу сказать, что Жиль был поддержкой на протяжении всей моей профессиональной жизни. Поддержкой и прекрасным советчиком, который, в отличие от матери, верил в меня. Как сложилась бы моя карьера, если бы я не встретила его? Трудно сказать, но это, несомненно, был бы другой путь.

* * *

Выйдя замуж в двадцать один год, я никогда не буду удостоена звания *catherinette*¹. Каждое 25 ноября головы двадцатипятилетних девушек украшают шляпками,

---

¹ Catherinette — это традиционное французское понятие, обозначающее девушку, которой исполнилось 25 лет и которая к этому дню (25 ноября, день Святой Екатерины) еще не вышла замуж.

специально созданными для этого случая модистками, и это сопровождается маленьким празднеством. Надо сказать, это чествование, пусть и веселое, не пользуется единодушной поддержкой среди восхваляемых таким образом молодых женщин. Иногда к мероприятию присоединяется Мадемуазель, и тогда мы спускаемся в салоны. Не может быть и речи, чтобы попросить ее подняться в мастерскую. В ее присутствии никто не чувствует себя по-настоящему спокойно, так как никогда не застрахован от какого-нибудь замечания. Например, Мадемуазель ненавидит брюки. Горе той, которая осмеливается их носить. Также нельзя носить пояс-цепочку, как у Мадемуазель. Она не выносит, если кто-то копирует ее стиль. Но ее главный ужас — беременные. И мы выстраиваемся так, чтобы их спрятать. А что уж говорить о груди, — Мадемуазель испытывает к ней настоящее отвращение, которое заставляет нас утягивать грудь манекенщиц с помощью бюстье.

Вы, наверное, уже поняли, что у Мадемуазель есть свои причуды. Например, привычка машинальным движением резко одергивать свою юбку. Как будто боится, что кто-то увидит ее колени. В ней чувствуется некоторая черствость, вероятно, связанная с одиночеством. Все мужчины, которых она любила, умерли. Многие из ее настоящих друзей, таких как Жан Кокто или поэт Пьер Реверди, тоже. Ходят слухи, что она очень близка с бывшей манекенщицей Мари-Элен Арно. Я так никогда и не получу тому подтверждения, тем более что между ними все же значительная разница в возрасте.

Из близких ей известны Жак Шазо и его повар, больше, пожалуй, никого и нет. Дни она проводит в своей квартире на улице Камбон, а с наступлением вечера отправляется в Ritz, в огромные апартаменты, которые снимает уже более тридцати лет.

Научно-популярное издание / Танымал ғылыми басылым

Иконы стиля

Колетт Масье

ОТ-КУТЮР

Жизнь среди легенд высокой моды

Руководитель направления *Ирина Мажаява*

Ответственный редактор *Арина Миронова*

Литературный редактор *Дарья Архитова*

Дизайнер обложки *Ольга Жукова*

Технический редактор *Мариятта Караматозян*

Корректоры *Анастасия Мартинус Рохас, Полина Шевенина*

Верстка *Юлия Фролкина*

В оформлении использовались иллюстрации Shutterstock:
© Pylupchuk, © alex74, © Iuliia Stepashova, © IgorGolovnirov, © Everett Collection,
© Evgeniya Platonova, © Eroshka, © DOCTOR BLACK.

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 24.04.2026.

Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура «Petersburg».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,40.

Тираж 3000 экз. W-LUX-40490-01-R. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» – обладатель товарного знака КоЛибри 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ – КоЛибри тауар белгісінің иесі 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
--	---

Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68, БЦ «Регул», 2-й этаж Тел.: (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы 195112, Санкт-Петербург, Мало-Охтинский даңғылы, 68 ғимарат, Регул бизнес орталығы, 2-қабат Тел.: (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
--	--

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

